

борьбу, и оно отступаетъ предъ соціальной помощью, но скоро-ли оно отступить да и отступить-ли когда-нибудь совсѣмъ? Но даже еслибы и совсѣмъ отступило, развѣ уничтожится этимъ все прошедшее зло? Развѣ слезы ребенка, о которыхъ не хочетъ забыть Иванъ Карамазовъ и ради будущей гармоніи, развѣ ужасы дѣтской проституціи или нищенства, гніеніе въ сифилисѣ, алкоголизмъ, морь, голодовки, даже если все это и будетъ когда-либо побѣждено въ исторіи, развѣ же можетъ совершенно изгладиться изъ памяти? Вѣдь это *цнни прогресса*. вѣдь все это роковымъ образомъ связано съ цивилизаціей. Вѣдь путь исторіи и культуры совершается по трупамъ, цѣна его—слезы, потъ и кровь. Все это фатально и непоправимо такъ. Все связано со всѣмъ, въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, и всѣ за всѣхъ и во всемъ виноваты. Возможно-ли, сознавая это, оставаться въ этой цивилизаціи, чувствовать себя въ исторіи, или же надо сдѣлать *salto mortale*, куда-то выпрыгнуть изъ нея, отрясти прахъ отъ ногъ своихъ? Однако исполнимо-ли это? Вѣдь это не такъ просто, какъ написать на эту тему рядъ книгъ и брошюръ, или, поселившись въ своемъ имѣніи, заняться паханьемъ земли и шитьемъ сапоговъ. Есть-ли отсюда выходъ? Или же остается принять жизнь, какъ она есть, со всѣмъ ея грѣхомъ, съ сознаніемъ неизбѣжности своей вины, но вмѣстѣ и тяжести своего долга?

Толстой испыталъ такой же жгучій стыдъ своего существованія, какой испытывается многими, когда приходится войти въ соприкосновеніе съ міромъ, который обычно отдѣленъ глухою стѣной, и пережить при этомъ жуткое чувство своего безсилія. Передъ Толстымъ какъ будто впервые встаетъ въ это время соціальный вопросъ. Какъ же онъ справляется съ нимъ?

Слѣдуетъ отмѣтить поразительное несоотвѣтствіе между первой и второй частью *Такъ что же намъ дѣлать*. Если первая часть потрясаетъ и мучитъ своей жизненной правдой, то во второй части она словно забывается или куда-то исчезаетъ. Здѣсь сразу начинается собственная политическая экономія Толстого, упрямая отсебятина, которую трудно читать безъ чувства раздраженія противъ своеправія и капризовъ знаменитости, не желающей считаться ни съ логической принудительностью, ни съ вѣковой научной работой. При этомъ несогласіе съ нимъ научной политической экономіи (о которой онъ, вообще говоря, имѣетъ представленія